

ЕВГЕНИЙ ВОРОНЯНСКИЙ

ТРИЛОГИЯ
ЩЕ НЕ ВМЕРЛА УКРАЇНА

КНИГА ПЕРВАЯ
ЗАКАЗНОЕ УБИЙСТВО

16+

2019

Евгений Воронянский

**Трилогия «Ще не вмерла
Украина», книга первая
«Заказное убийство»**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Воронянский Е. К.

Трилогия «Ще не вмерла Украина», книга первая «Заказное убийство» / Е. К. Воронянский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта трилогия о современной Украине, об особенностях и последствиях её независимого пост-советского развития, о таких разных и своеобразных её гражданах и обывателях с очень непохожими и часто драматичными судьбами.

© Воронянский Е. К., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

От автора

Сегодня, когда политические банкроты, коррупционеры и мародеры из блока имени действующего ещё пока президента Украины сломя голову рвутся к власти, не брезгуя при этом никакими средствами, как никогда актуально показать как живет сегодня и чем жила последние тридцать лет Украина, доведенная до самого края экономической бездны бездарным управлением и корыстолюбием ее элиты. Для того, чтобы понять почему мы дошли до этой последней черты и кто в этом виноват, необходимо оглянуться назад и критично оценить то, что случилось со всеми нами и что каждый из нас в отдельности делал все эти долгие годы, потому что не получится повесить все ярлыки на одного, либо нескольких козлов отпущения, на те оидозные личности, которые олицетворили это падение. Не можем мы уйти и от того факта, что всех тех, которых мы сегодня справедливо обвиняем во всех наших негараздах, мы сами избирали когда-то, а значит, обязаны и разделить с ними какую-то долю ответственности за все произошедшее со страной, с ними и с нами.

Нынешней весной каждому из нас снова предстоит сделать свой выбор в пользу какого-то кандидата на самый высокий пост в стране, а осенью избрать и тех, кто ещё на пять лет возьмет на себя ответственность за нашу жизнь, нашу судьбу и наше благополучие. Чтобы в который уже раз не совершить роковой ошибки и не поддаться на лживые обещания некоторых уже состоявшихся и ещё только начинающих политиков, автор призывает вас, дорогие мои соотечественники, трезво и серьёзно подойти к этому процессу в свете сложившейся в стране ситуации и сознательно отдать свой единственный голос тому человеку, с которым вы свяжете все свои чаяния и надежды на ближайшие пять лет вашей неповторимой жизни. И дай вам Бог, чтобы ваш выбор на этот раз был верным и оправданным!

Все персонажи книги являются продуктом авторского вымысла, совпадения имен и фамилий случайны.

Предисловие

Удивительно, как быстро и необратимо меняется жизнь каждого отдельно взятого субъекта и всего общества в целом в переломные моменты истории. Революционные или эволюционные процессы неизбежно ведут к драматическим метаморфозам, а иногда и к трагедиям, перемалывающим в жерновах истории судьбы многих достойных и не очень людей. Именно такие метаморфозы имели место в начале 90-х годов прошлого века на одной шестой части суши нашей планеты, именовавшейся тогда Советским Союзом. До сих пор остается загадкой для ученых, историков и обывателей, как так получилось, что колосс, воздвигнутый и стоявший на утопической доктрине социалистов и гуманистов, вдруг в одночасье рухнул и развалился на множество независимых, но объединенных одной капиталистической идеей государств. То, что Советская империя обязательно должна была погибнуть у здравомыслящих людей не вызывало никогда и никаких сомнений, но чтобы так сразу и так скоро, этого, пожалуй, не знал никто. Но это таки свершилось и на смену тоталитарному государству, одержимому бредовой идеей исторической целесообразности и материалистической философией, с его всеохватывающим и всепожирающим дефицитом, пришел дикий капитализм, правда, вперемешку с пережитками «развитого социализма». Немецкий ученый, основоположник квантовой физики Макс Планк как-то сказал: «Новые научные истины побеждают не путем убеждения их противников, просто эти противники постепенно вымирают, и новое поколение усваивает истину сразу». Этот вывод выдающегося ученого сохраняет свою актуальность не только для научных открытий, но и социального развития общества. Отсюда, несмотря на резкие и очень болезненные перемены, сохранилось много характерного для уходящей в небытие эпохи, особенно в области сознания и внешнего восприятия существующего миропорядка. Это

время стало «золотым веком» для различного рода шарлатанов и целителей, бог весть откуда появившихся пророков и прорицателей, беспринципных и беспощадных дельцов, мошенников и бандитов, не останавливающихся ни перед чем в неумной жажде brutального обогащения и легкой наживы. И тогда же настали мрачные, а в некоторых случаях и глубоко трагичные времена для оправившихся было после революционных потрясений и сталинских репрессий интеллигентов, ученых, артистов, писателей и прочей пишущей братии, не говоря уже о простых смертных, именуемых обобщающим словом народ. Этот период получил у историков и публицистов достойное определение «лихие девяностые». Мало кто из вершителей судеб и активных участников тех драматичных времен передела и перераспределения народного добра сумел пережить это кровавое десятилетие, отягощенное российским дефолтом 98-го года. На смену тем колоритным личностям пришли новые персонажи, уже не такие решительные и жестокие, но не менее ловкие и лукавые, которые и стали доминировать в бесхозной посткоммунистической империи. Такую власть еще древние греки окрестили олигархией, даже не подозревая насколько долго она останется живучей.

«Лихие девяностые» породили много актуальных тем и историй для пытливого ума и красноречивого пера философов и литераторов и, полагаю, еще долгое время будут занимать умы общественных активистов и рядовых граждан, для которых книга – адреналин, поднимающий артериальное давление и возбуждающий и стимулирующий положительные, и не очень эмоции. Мы, со своей колокольни, тоже не смогли обойти эти неоднозначно принимаемые и понимаемые времена, тем более, что они не обошли стороной и нас, оставив на сердце глубокий незаживающий шрам.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Эдоардо Михайлович Мойшевский был отъявленным негодяем. Именно такие как он писали в годы сталинских репрессий доносы на друзей и врагов и анонимки на чем-то ему неугодных незнакомых людей. Совершенно равнодушный ко всему окружающему его миру, он больше всего на свете ценил и любил деньги, а его жизненное кредо выразилось в аксиоме «доллар режет сталь». Вероятно на его мировоззрение повлияло голодное послевоенное детство, научившее ценить и беречь трудовую копейку, а также социалистическое отношение ко всякому народному добру, которое легко и совершенно бесплатно могло переходить в частную собственность особенно предприимчивого индивидуума. Невысокий, плотно скроенный, но не полный, с залысинами, далеко выступающими к макушке, большим мясистым носом, с бельмом на одном глазу, которым он ничего не видел, Эдоардо Михайлович совсем не выглядел красавцем. Он был типичным представителем Homo Sovieticus, но не был лишен характерных особенностей. Так, любовь и жажда к деньгам породили в Эдоардо Михайловиче специфическое отношение к иконам, золоту, антиквариату, живописи и прочим дефицитным и дорогим вещам. Думается, что первоначально эта особенность возникла из чисто практических интересов: нужно же было надежно сберечь и приумножить накопленные непосильным трудом денежные знаки, но со временем она переросла в настоящую страсть и превратила заурядного советского прораба и «несуна» в коллекционера и ценителя прекрасного. За долгие годы стяжательства и мздоимства Мойшевский сумел накопить изрядное количество полотен известных живописцев и прочего антикварного хлама, а также два или три ведра золотых украшений. Одним словом, он превратился из рядового советского труженика в заветную мечту всякого нечистого на руку уркагана и мошенника, стремящегося к быстрому и безболезненному обогащению. Конечно, как и почти все ему подобные особи в те далекие годы, Эдоардо Михайлович старался ничем не выделяться из основной массы советских граждан и скрывал свое истинное лицо и достатки. Сохранение ценностей требовало от предприимчивого дельца наличия каких-либо складов, либо помещений. Поскольку Мойшевский никогда никому не доверял и совсем

не лишен был извилин в коре головного мозга, то он рано понял значение всякой недвижности (а особенно жилой квартиры) в жизни простого обывателя, тем более в жизни коллекционера и обладателя драгоценностей. Таким образом, благосостояние Эдоардо Михайловича стало прирастать разного рода апартаментами к упомянутому выше перечню вещей. Это было совсем нетрудно при существовавшем тогда порядке, когда всей недвижностью в стране распоряжалось государство, а значит, никто, то есть, я хотел сказать, чрезвычайно доверенные и персонально проверенные люди, назначенные на очень ответственные должности волею коммунистической партии и ее вождей. А так как сама революционная идея бескорыстного служения государству, партии и народу со временем изжила себя полностью, то эти люди зачастую были не прочь оказать услугу и помощь достойному человеку, тем более если этот человек умел быть отзывчивым и благодарным. Вот и получалось, что несмотря на так никогда и не решенный Советами жилищный вопрос и огромные бесконечные очереди на получение квартиры, в которых рядовые советские граждане стояли десятилетиями, для некоторых квартиры все-таки находились и даже очень быстро и совсем недорого. Наш герой успел усвоить эту несложную истину и с успехом применял ее на практике.

Со временем стремление обладать всем ценным, что попадало под руку, переросло, как это часто бывает в жизни, в одержимость, напоминающую по своим симптомам неизлечимую болезнь. Так бы благополучно и дожил наш герой до определенного ему Господом конца, либо стал бы жертвой какого-либо жулика, выследившего нашего таинственного нувориша, если бы Советский Союз в одночасье не рухнул и на просторах бывшей тоталитарной империи не воцарился новый порядок, то есть смесь нео-социализма с капитализмом времен первичного накопления капитала. Это время стало золотой порой жизни Мойшевского. Перед его талантом раскрылись широкие перспективы и он, как человек, не упускавший предоставленный богом шанс, не преминул этими возможностями воспользоваться.

Очень помог ему адаптироваться в стремительно меняющемся обществе некто Михаил Рубинштейн, а проще Мойша, предприимчивый представитель избранного самим Господом богом народа, с одной стороны мот, кутила и игрок, а с другой – жадный барыга, не останавливающийся ни перед чем ради денег и прочих прелестей жизни. Этот Мойша при коммунистах бездельничал и мошенничал с малолетства, а лишь только появилась возможность удрать из ненавистного Совка в смутные времена перестройки он оказался за океаном в обожжаемой им со школьной скамьи Америке, где попробовал сколотить себе солидное состояние. Но поскольку делать что-то полезное и нужное для людей он не умел и не хотел, то ему в этой «земле обетованной» не подфартило и задним числом можно даже удивляться как Мойша выжил в этой агрессивной среде. На его счастье рухнул Союз и с помощью немногочисленных друзей, а также американского правительства этот проходимец был депортирован из США в родной Киев. О таких метаморфозах в народе говорят: «пустили щуку в реку». В той мутной воде зарождающегося на просторах бывшей империи капитализма и нашли друг друга Мойшевский и Рубинштейн. В результате появилась некая торговая фирма, промышленявшая импортом различных дефицитных продуктов и товаров, которые с успехом заполнили еще не вполне сложившийся, но быстрыми темпами формирующийся рынок новой общественной формации. Трудно сосчитать количество суррогатной водки и такого же качества шампанского, различного рода дезодорантов и аэрозолей, шоколадок и киндер-сюрпризов сомнительного происхождения, различных кока- и пепси-подобных напитков неизвестно где, как и когда сделанных, которое через эту фирму контрабандно привозилось из Венгрии, бывшей Восточной Германии и Польши и распространялось на необъятных просторах Украины.

Одним словом, Эдоардо Михайлович делал деньги на всем, на чем только можно было их делать и не брезговал при этом никакими средствами. Ему, кстати, откровенно везло и он избежал печальных экспроприаций со стороны ментов, бандитов и всякого рода рэкетиров, искавших любую возможность поиметь что-либо «на шару». Конечно, не обошлось без

нескольких печальных okazji, когда неизвестно куда пропадали фуры с уже оплаченным товаром, когда «сгорали» бананы, если вдруг отказывали холодильники в авторефрижераторах, когда его «разводили» и «кидали» набившие на этом руку жулики, но эти потери тонули в тех баснословных доходах, которые на прощанье предоставила ему возможность поиметь отмирающая Советская власть.

Мы не сказали еще об одном очень важном источнике обогащения нашего героя: ростовщичестве. С приходом в Украину по решению коммунистической партии дикого капитализма и с баснословно галопирующей инфляцией «подняли» голову всякого рода нечистые на руку финансисты, «менялы» и ростовщики. Позорное для Homo Sovieticus при коммунистах слово «ростовщик», навеки дискредитированное гением Оноре Бальзака и Достоевского, обрело в новых экономических условиях совершенно иное звучание: кредитор или инвестор. Суть от этого, естественно, не поменялась, но отношение к этому явлению в обществе стало более терпимым и благосклонным. Процентные ставки на кредиты достигали 60—100 процентов годовых и Мойшевский никак не мог пройти мимо такого способа приумножить свой капитал, хотя делал это с превеликой осторожностью и давал деньги в долг только надежным и проверенным людям из своего окружения, избегая всякого неоправданного риска.

Не скоро и не сразу наш герой разбогател. Тяжелое и голодное послевоенное детство, а также жалкое полунищенское существование в молодые годы, когда единственным и постоянным блюдом его рациона были пирожки с ливером по 40 копеек (а после 1961 года по 4 копейки) за штуку, да еще тревожный сон в коммунальной квартире по улице Пирогова в родном ему городе Киеве, которая кишела всякого рода неблагонаправленным и сварливым сбродом, именуемым в общем и целом советскими гражданами, оставили в его памяти неизгладимый след, от которого он так и не смог избавиться до своего последнего дня. Однако, коммунистическая власть, надо отдать ей должное, дала Эдоардо Михайловичу бесплатное образование и профессию, согласно его возможностям и желанию, а позднее постоянную работу, согласно его таланту.

«Когда же юности мятежной пришла Мойшевскому пора», он имел возможность найти себе достойную половинку, с которой сочетался вскоре законным браком, как тогда было принято во многих благопристойных семьях. Это была симпатичная дородная «тёлка», получившая от родителей имя Рая, а наш герой с первых дней знакомства ласково называл ее Хризантема. Она уже побывала до этого в раннем и кратковременном браке, из которого выносила девочку по имени Света. Хризантема была бабенкой неглупой, знала себе цену и хотела от мужа и от жизни многого, и надо сказать, получила, в конце концов, свое в изобилии. Поскольку Эдоардо продал свою душу дьяволу, бог не дал паре детей, но это не особенно их беспокоило: Мойшевский был одержим только обогащением и сумел этим же самым заразить и свою ненаглядную половину. Жить им на первых порах было негде, но когда на кону стояла судьба элитной 4-ёхкомнатной квартиры в центре города, то наш герой не побрезговал и уговорил Хризантему ради этой квартиры переспать пару ночей с распределяющим жилищный фонд управляющим треста, в котором работал Мойшевский и который на радость новобрачным «положил глаз» на свежесть и прелести молодой жены своего прораба. Так они обзавелись желанным кровом над головой, да еще в престижном районе столицы процветающей социалистической Украины. В дальнейшем совместная жизнь Эдоардо и Хризантемы складывалась попеременно из розовых и мрачных тонов и после двадцати лет благополучно закончилась громким разводом, неизбежными спутниками которого были взаимные упреки и оскорбительные выпады в сторону оппонента, скандалы, рукоприкладство и прочие прелести подобных мероприятий. Лояльные советские законы, а также преступная самоуверенность и невежество супруги позволили Мойшевскому усыпить бдительность Хризантемы и сохранить для себя большую часть нажитого за долгие годы имущества, о многом из которого, справедливости ради надо сказать, доверчивая дама даже и не догадывалась. В судебном порядке решалась

только судьба квартиры бывших супругов, из которой Хризантема ни в какую не хотела убраться. Эдоардо купил для нее взамен 3-ёхкомнатную квартиру со всеми удобствами на Борщаговке, но вопрос «завис» в воздухе из-за несговорчивой позиции бывшей жены и только небескорыстное содействие Председателя Апелляционного суда города Киева и исполнительной службы соответствующего района позволило нашему герою окончательно избавиться от надоевшей ему Хризантемы, выселение которой из родных пенатов превратилось в настоящий спектакль с неизбежными в таких случаях проклятиями и слезами.

Эдоардо Михайлович, если не считать его несомненную, безотчетную и безусловную любовь к деньгам, был человеком холодным и расчетливым, а значит, ненадежным. Но и он не избежал небольших слабостей. Одной из таковых была «наука страсти нежной», точнее страстная любовь к сексу, которая не только не проходила с годами, а наоборот, прогрессировала и развивалась по нарастающей. Уже на третий день после свадьбы с Хризантемой, наш герой нашел утеху на стороне и с тех пор регулярно изменял супруге, правда соблюдая при этом правила советского общежития и «не вынося сор из избы».

Когда же появился достаток, а потом рухнул железный занавес у нашего мачо появилось много дополнительных возможностей удовлетворять свои природные потребности. Эффективным средством для реализации этих нужд брэнного тела стали путешествия и туристические поездки за границу. Благо, границы распахнулись и бывшие советские граждане получили возможность воочию увидеть «загнивающий» Запад со всеми его недостатками и достижениями, а также прочие уголки нашей необъятной планеты. В данном случае Мойшевский соединял полезное с приятным, поскольку и сам любил понежиться на солнышке на каком-нибудь экзотическом курорте на берегу самого синего моря, и в это же самое время «попользовать» приглянувшуюся ему смазливую дамочку, не слишком церемонящуюся честью и репутацией. Это был верный и точно рассчитанный ход. Эдоардо Михайлович, то ли в силу любви к деньгам, то ли из-за скрывающейся где-то в потайных глубинах его души природной скромности, не любил откровенно платить за секс услуги денежными знаками, тем более одаривать своих пассий дорогими подарками и водить по фешенебельным ресторанам. А путешествие на морское побережье выглядело очень заманчиво, особенно если романтическая партнерша никогда там не была да и перспективы туда попасть у нее были весьма и весьма туманными. И вот вдруг находится добрый дядя, который не только осуществляет ее мечту, но и обещает сделать это путешествие настоящей сказкой, а там, возможно, и совсем «раскиснет» от ее чар и прелестей и устроит ей в будущем комфортную и обеспеченную жизнь, превратив сказочным образом убогую провинциалку в светскую львицу и салонную красавицу. Ей, естественно, было невдомек, что оплатив таким образом ее ночлег, завтрак и обед в трехзвездочном отеле на каком-либо расхожем турецком или египетском курорте, наш герой значительно сэкономил и получал заветное намного дешевле, чем мог на это рассчитывать в родном, но таком дорогом городе. Было и еще одно немаловажное преимущество в таких отношениях: рядом не было ни близких, ни знакомых, ни всяких прочих, которые могли бы опаскудить и осквернить интимную связь, что раскрепощало и тем самым обогащало наслаждение. Обычно, после десятидневного райского отдыха Мойшевский со своей партнершей возвращался в Киев и «с головой окунался» в налаженный процесс обогащения, а его визави терялась где-то в кругу старых друзей и подруг, и давно подзабытых связей.

Но, как говорится у нас в народе, на всякую старуху найдется проруха. И нашлась такая и на нашего героя: он ни с того ни с сего вдруг влюбился, и влюбился по-настоящему, как только мог. Конечно, деньги он любил больше и это было надежнее, но все-таки свежее, безупречно красивое, упругое тело притягивало и завораживало его потрепанную дряхлеющую плоть своею молодостью (избранница была раза в три моложе Эдоардо Михайловича) и почти девственной невинностью. Мойшевский совсем потерял голову, когда это милое создание ответило на его ухаживания взаимностью (то ли искренней, то ли притворной) и отдалось ему

душой и телом, то есть всем, что у нее было. Наступил медовый месяц, который растянулся на целый год. Конечно, Эдоардо Михайлович не забывал о своем «бизнесе», а страсть только раскалила его и без того ненасытный аппетит и подвигла на новые «подвиги» во имя обогащения себя любимого. Теперь у него, кстати, появились новые аргументы и оправдания тому, что и так для себя он давно уже решил окончательно и бесповоротно. В одночасье он превратился из старого ворчливого скряги в благодетеля и попечителя своей юной избранницы, которую, между прочим, звали Ляля. Наш герой во всеуслышание, невзирая на улюлюканье и недовольное шипение родни, объявил, что его жизнь отныне посвящена дорогой Лялечке, что он превратит ее жизнь с ним в некое райское существование и сделает свою королеву несметно богатой, в меру отпущенного ему Богом содержания. Лялечка тоже оказалась себе на уме и менее чем через год влюбленные сочетались законным браком без всяких условий, то есть при возможном разводе все совместно нажитое имущество по закону делилось между супругами в равной мере. Очень медленно, но неумолимо влияние Лялечки на Эдика (так ласково она величала своего избранника) становилось все глубже и глубже, допустимые ей вольности становились все шире и шире, а доверие к ней со стороны очень подозрительного и ревнивого супруга, ежечасно подогреваемого своей недовольной родней в лице младшего брата, его жены и ихней уже давно перезревшей дочери, становилось все более полным и полным. При этом надо отдать должное Лялечке, которая не пошла по пути некоторых пустоголовых сверстниц, а оставалась верной супругу и не давала ни единого повода для компрометирующих ее сплетен.

Здесь хотелось бы подробнее остановиться на возлюбленной нашего героя, чтобы яснее понять дальнейший ход событий и те мотивы, которые их двигали. В свои 19 лет Лялечка уже успела выйти замуж, родить ребенка, развестись и снова выйти замуж, на этот раз за Эдоардо Михайловича. Родом она была с Украины, а точнее из Харькова, но детство и созревание ее прошло в Волгодонске, молодом городе в Ростовской области, возникшем на месте казацких хуторов после строительства здесь атомной электростанции. Сюда по разнарядке и за большими деньгами поехал ее отец, энергетик по специальности, а за ним и его супруга, учительница русской словесности, с двумя маленькими дочерьми. Так *«щира українська родина»* оказалась на юге России, где и без того хватало украинских переселенцев. Не будем задерживаться на безоблачном детстве Лялечки, которое ничем особенным не отличалось от детства большинства советских детей, а перенесемся в те времена, когда в «юном девственном сердце» проснулись нежные чувства к противоположному полу и материнские инстинкты. Ее избранником стал статный и миловидный парень, который позднее обрел звучную «кликуху» Тамбовский волк (по месту своего рождения и месту обитания его «предков») в составе одной из волгодонских преступных группировок. Их чувства были искренними, чистыми и очень быстротечными. Уже через полгода Лялечка пошла под венец, а еще через полгода понесла первенца. Надо отметить, что мальчик родился с природным изъяном по вине санитаров роддома и требовал не только постоянного наблюдения врачей, но и постоянного лечения. Это лечение, в свою очередь, требовало денег, и денег немалых. Не прошло и года после родов, как Тамбовского волка «застукали» с любовницей (и не единственной) и изгнали из личной жизни Лялечки. Тут-то и появился Эдоардо Михайлович, к тому времени уже разведенный, а значит, свободный, который в погоне за легкой наживой приехал разворовывать атомную электростанцию. Где и как пересеклись пути нашего героя и юной красавицы сказать трудно, однако Лялечкины прелести настолько очаровали Мойшевского, что уже спустя два месяца от их знакомства он предложил ей переехать к нему в Киев для совместной счастливой жизни на что Лялечка, ничтоже сумняшеся, ответила согласием. Маленький ребенок был временно оставлен на попечение свекра и свекрухи, которые в нем «души не чаяли», а позднее, уже после бракосочетания, был у них выкраден и воссоединился таким нетрадиционным способом со своей родной матерью и отчимом, который годился ему в прадедушки.

Развивая свое мировоззрение и приспособляясь к новым реалиям земного бытия, Мойшевский пришел к выводу (кстати, очень верному и оправданному, публично пропагандируемому многими неординарными людьми, среди которых хотелось бы особенно выделить известного украинского журналиста Гордона), что самым надежным и доходным делом будет сдача в наем недвижимости и последовательно начал воплощать свой план в жизнь. Вкладывая деньги в недвижимость, он не только не рисковал, но, наоборот, очень даже преуспевал, поскольку цены на недвижимость росли в те годы как грибы после дождя. Вся новоприобретенная недвижимость оформлялась уже на Лялечку, что естественно поднимало ее реноме в кругу Эдоардоподобного общества. Надо отметить, что делал наш герой это не столько из благородных побуждений, сколько подчиняясь инстинкту самосохранения, унаследованному от немилосердных советских времен. Внешне, да пожалуй, и внутренне в этой новоиспеченной семье царили мир и взаимопонимание, любовь и благополучие. Как отмечал классик украинской поэзии:

«Де згода в сімействі,
Де мир та тишина,
Блаженні там люди,
Блаженна сторона»

Глава 2

Александр Ефимович Строкальский был самым чистокровным евреем, который только мог родиться и вырасти в Киеве. И со стороны матери, и со стороны отца в его родословной не было замечено никаких инородных примесей, и даже в паспорте, в графе «национальность» значилось «еврей», что само по себе уже было совсем необычно для того времени, когда Александр был зачат и произведен на свет его родителями, а точнее в середине 50-х годов XX века. В результате получился смуглый, невысокий, кругленький с торчащим животиком мужчина, которому сослуживцы довольно точно присвоили прозвище «БигМак». Это был очень предприимчивый и честолюбивый, но дотошный и мелочный человек. Развал Союза подвиг его на предпринимательскую стезю и эта дорога оказалась довольно тернистой. Обладая сносными организаторскими способностями Александр собрал вокруг себя энтузиастов, одержимых идеей быстрого и относительно честного обогащения, создал Общество с очень ограниченной ответственностью и «окунулся во все тяжкие». Естественно, уже в самом начале своего самостоятельного бизнесового пути он пал жертвой кидал и мошенников, что и обусловило в будущем его отношение к окружающему миру, обществу и государству.

Еще в советские годы Строкальский нашел свое личное счастье в лице дорогой и относительно горячо любимой супруге Саре, с которой зачал четырех потомков, из которых три получились девочками, а один – «солнечным» мальчиком. Все дальнейшее поведение и цели Александр были обусловлены этими непреодолимыми обстоятельствами: на нем держалось благополучие жены и детей, ради этого он скрывал доходы, не платил налоги и вел с государством нечестную бизнес-игру. В оправдание Строкальского можно сказать, что так как он строили свой бизнес 90 процентов активных граждан в Украине, так что ничего необычного и тем более экстраординарного в его действиях не было.

Занимался он также самым обыкновенным бизнесом: возил бумагу из России в Украину и оптом продавал ее налево и направо, тем самым развивая в стране печатное дело.

И даже то, что не успев как следует стартовать он был «разведен» на 50 тысяч баксов, было для тех времен естественно и логично, и не могло никого удивить. Сочувствия ждать также было неоткуда: у каждого была своя беда (или проблема) и никому ни до кого совершенно не было дела. Так что выпутываться из такой патовой ситуации господину Строкальскому приходилось самому, причем решение рождалось в цейтноте, а на карту было поставлено даже то, чего еще и в помине не было.

Как и где нашли друг друга Мойшевский и Строкальский история умалчивает. Оба были коренными киевлянами, оба преследовали одни и те же цели, оба ходили по одним и тем же

улицам, покупали продукты в одних и тех же магазинах, в конце концов, оба заводили себе общих друзей и знакомых. Как бы там ни было, но к моменту, когда начинается наша история они уже были знакомы и нужно отметить, что каждый из них видел в партнере определенный интерес. О таких знакомствах говорят, что их пути пересеклись.

Это был особенный день. Июльское палящее солнце нещадно жарило тех, кому по долгу службы приходилось находиться на посту, остальные попрытались в тень, либо освежали свои косточки и мякоть под кондиционерами в офисах и помещениях. В южных странах такое полуденное солнцестояние и обезлюдение получило название сиеста, у нас же дать подобному явлению название не удосужились. Особенно желанным в такие горячие дни становился вечер, приносивший целительную прохладу и облегчение. Именно в такой вечер в четырехкомнатной квартире на 17 этаже в самом центре Киева, а точнее на не переименованной еще в то время улице Ленина, позднее получившей название в честь Богдана Хмельницкого, проходил званый ужин двух влиятельных в городе семей, как обычно в подобных случаях обусловленный деловыми интересами. Хозяйничала Лялечка и надо справедливости ради отметить, что справлялась она с этой ролью великолепно: скатерть была белоснежной, сервировка стола утонченной, блюда были изысканы и вкусно приготовлены, импортный коньяк Камю мог украсить стол самого императора французов, а беседа – непринужденной и непритязательной. Естественно чувствовалось некоторое внутреннее напряжение, характерное для всякой деловой встречи, но оно не портило общий доброжелательный и раскрепощенный тон общения.

Удовлетворив насущные потребности своих желудков, мужи, а это были Мойшевский и Строкальский, вышли на балкон, чтобы перейти к деловой части встречи, оставив своих дам, а это были Лялечка и Сара, судачить о всяком-разном и делиться своими женскими секретами, насколько это возможно между женщинами, только успевшими завязать знакомство, да ещё и со значительной разницей в возрасте. Алехандро Ефимович достал из пачки американскую сигарету «Мальборо» (настоящие американские сигареты уже в начале 90-х найти в Европе было очень проблематично, но Строкальскому беглые советские друзья-евреи нередко привозили по 2-3 блока таких сигарет из-за океана, когда навевывались (после развала СССР) на свою покинутую родину, если таковой они ее еще считали. Вдыхая этот сладкий дым южных Соединенных Штатов Америки, Алехандро Ефимович перешел к официальной части своего визита.

– Вы знаете, Эдоардо Михайлович, как меня «прокинули» днепропетровские партнеры. Они поставили меня в крайне затруднительное положение: я вынужден искать кредит, чтобы хоть как-то сохранить лицо фирмы и свой бизнес. Зная вас, как порядочного и честного человека, я решил обратиться к вам за помощью, а именно: мне нужно 80 тысяч «зеленых», чтобы выкрутиться из нынешней беды и «встать на ноги». Готовы ли вы предоставить мне такую возможность?

– Сумма приличная, но найти ее можно. Вопрос стоит вот в чем: на какой срок ты хочешь взять эти деньги, под какие проценты и какие я могу от тебя получить гарантии?

– Деньги мне нужны не менее, чем на год под 5 процентов в месяц, как сейчас у нас принято, а гарантией может служить моя жилая квартира на Теремках. Кроме того, я ведь собираюсь вложить эти деньги в бизнес, а точнее приобрести на них товар, который сам будет гарантией моей платежеспособности. Могу вам предоставить все мои расчеты, если таковые вас заинтересуют. Прошу вас, дорогой Эдоардо, поверить в мою честность и оказать мне свое доверие, а уж я в долгу не останусь.

Наступила напряженная тишина. Наконец, Мойшевский изрек:

– Ладно. Будь по твоему. Деньги я тебе дам, договаривайся на поставку партии своего товара, приноси мне счет и будем оплачивать. Мне нужна неделя, чтобы подготовить такую сумму, так что не гони, но и не тяни. Остальное обсудим у тебя в офисе завтра, а сейчас идем к нашим «мартышкам», а то они уже соскучились и зевают.

Мужчины вернулись в гостиную, где гостеприимная Лялечка уже накрывала стол для традиционного десерта.

Исключая несущественные детали, вот такой серьезный разговор состоялся в знойный июльский вечер 1993 года в киевской квартире нашего героя на 17 этаже и никто тогда, кроме самого Господа бога, не мог знать к каким драматическим событиям и далекоидущим последствиям он приведет.

Глава 3

Прошло два года.

Оборудованный по последнему слову техники и согласно мировым стандартам кабинет светилы челюстно-лицевой хирургии Маланцева Анатолия Петровича находился на третьем этаже Городской клинической больницы №12 на улице Подвысоцкого. Анатолий Петрович не часто появлялся в этом кабинете, поскольку основная его практика имела место не в Киеве, а в старушке Европе, точнее в Италии, Австрии и Германии, где он проводил от 6 до 9 месяцев в году, исцеляя за очень достойные деньги тамошних пациентов от различных челюстно-лицевых недугов. В родной Киев он приезжал тогда, когда хотел хоть немного передохнуть от очень напряженного европейского графика, а также для подтверждения своих ученых степеней и званий. Не мог же он совсем проигнорировать запросы и нужды Украины, которая открыла перед ним такие научные возможности и финансовые перспективы. Конечно, и здесь Анатолий Петрович ничего не делал бесплатно и услуги его стоили достаточно дорого, но оказывая помощь соотечественникам, он чувствовал себя патриотом, а значит, причастным к общему благополучию Украины. Без этого имиджа ему было никак нельзя.

Лялечка очень волновалась, ожидая приема у известного врача. Об этом визите договорилась по благу ее новая киевская подружка Алена, жена владельца небольшого, но влиятельного туристического агентства Луки Лукича Лукмана, удивительно внешне похожего на Берию.

– Заходите, – пригласила смущенную Лялечку симпатичная медсестричка.

Лялечка зашла в кабинет, держа за руку своего сына. Анатолий Петрович окинул ее пристальным, откровенно похотливым взглядом и было ясно видно, что он остался очень доволен как собой, так и пациенткой. Осматривая мальчика, врач то и дело бросал косые многообещающие взгляды на его маму и не стеснялся отпускать в ее адрес «засаленные» и тривиальные комплименты. Лялечка отвечала ему такими же недвусмысленными взглядами и позами, экспромтом показывая то, что всегда хотелось бы смотреть настоящему мужчине.

Наконец, Анатолий Петрович окончил осмотр и изрек свой вердикт: «нужна имплантация операционным путем и стоит все это будет 900 долларов, причем, это только и исключительно для вас». Лялечка с благодарностью посмотрела на Маланцева, заискивающе улыбнулась и прошептала дежурное «спасибо!». Доктор выписал ей необходимые распоряжения, назначил день следующего приема, добродушно усмехнулся и пожелал «всего хорошего». Прощаясь, они пожали друг другу руку, и каждый вложил в это пожатие свой особенный смысл, хотя этот смысл был мимолетным и ни к чему не обязывал ни одну из сторон.

Спустя неделю, уладив все сопутствующие формальности и получив условленную сумму, Маланцев назначил день операции и уже через два дня, выходя из операционной пожурил трепещущую Лялечку и пожелал ее мальчику скорейшего выздоровления. Однако, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» и «скорейшее выздоровление» требовало как минимум недельного пребывания ребенка в стационаре. Была середина лета и жара стояла невыносимая, в палатах былолюдно и душно. Лялечка вынуждена была нанять сиделку и договориться с администрацией об отдельной палате для Вилли (так звали мальчика), что и было благополучно решено за 200 баксов наличными. Проблемы начались через неделю, имплант не приживался, щека вздулась и начался флюс. Лялечка пребывала «как на иголках», врачи же успокаивали ее и объясняли осложнение очень туманно и невнятно. Наконец, когда флюс прорвало и пошел

гной Лялечка не выдержала и устроила грандиозный скандал и стала требовать Маланцева. На это её проинформировали, что доктор укатил с супругой в Турцию на курорт и никакой связи с ним нет. Это еще больше накалило ситуацию, поскольку авторитет Анатолия Петровича не давал другим врачам права вмешаться в лечебный процесс и ребенок был предоставлен самому себе и Господу богу. Наконец, чувствуя возможное приближение драматической развязки, заведующий челюстно-лицевым отделением доктор Владимиров согласился за определенное вознаграждение еще раз прооперировать Вилли. Оказалось, что европейское светило детской лицевой хирургии не удалило осколок зуба, что и вызвало осложнение, которое могло закончиться заражением крови и летальным исходом, не вмешайся вовремя Владимиров за 400 дополнительных условных денежных единиц. Справедливости ради, отметим здесь, что дальнейшее выздоровление маленького пациента проходило без осложнений, имплант, наконец-то, прижился, но такой непредсказуемый сюжет оставил глубокий след в душе Лялечки, побудил ее в будущем совершенно отказаться от услуг доморощенной медицины и подтолкнул к решениям, которые существенно повлияли на развитие нашей истории.

Деловые отношения Мойшевского и Строкальского за эти два года из теплых стали еще более теплыми. Эдоардо Михайлович часто навещался в офис своего должника, чтобы «на шару» позвонить за границу, если это было нужно, или попросить подготовить секретаря или кого-то из менеджеров какой-то ему необходимый документ, словом, по мере возможности бесплатно пользовался услугами фирмы, которая по его милости продолжала кое-как существовать на бизнесовом небосклоне Украины. Алехандро Ефимович ежемесячно исправно платил дежурные 5 процентов, чем согревал несомненно беспокойное сердце Эдоардо Михайловича. Но к осени ситуация изменилась. Мойшевский сначала исподволь, а затем и открыто стал просить своего визави «поднапрячься и вернуть тело кредита», мол де деньги были нужны самому Эдоардо. Несмотря на то, что за эти два года фирма Строкальского смогла поправить свои финансовые дела, но вывод из оборота такой значительной суммы означал бы плачевный финал ее существования. Решиться на подобный шаг Алехандро Ефимович не мог, о чем он и жаловался Мойшевскому. Тот и рад бы был и дальше «загрывать» ежемесячно свои 5 процентов, но Лялечка упрямо требовала возвращения долга, якобы необходимого для нужд семейных, а устоять перед чарами молодой супруги и убедить ее в выгодах кредитования Эдоардо Михайлович не мог. Обсуждая возможность возвращения кредита, Мойшевский и Строкальский пришли к выводу, что нужно попытаться вытребовать, наконец-то, заимствованные два года назад днепропетровскими «партнерами» законные 50 тысяч долларов. Тогда-то для этого и потребовались чеченцы.

Между прочим, у Эдоардо Михайловича на 17 этаже появился новый сосед: его старый дружок и поделщик в разных не очень законных денежных махинациях в советские времена, а теперь преуспевающий американский миллионер Вова Ведерский. Это был беженец последней «горбачевской» волны, когда на поиски голубой американской мечты из совка устремились набитые битком эшелоны настоящих евреев и «косивших» под евреев особо предприимчивых советских граждан других национальностей. Большая часть из них, потерявшая способность к напряженному ежедневному труду еще в советские застойные годы, хотела быстрого и легкого богатства за счет налогоплательщиков развитых демократий Запада, который, как нас всех тогда учили в школе классики марксизма-ленинизма, загнивал и непременно должен был «загнуться». Вова Ведерский во времена достопамятного Леонида Ильича прошел «через огонь, воду и медные трубы» во имя безбедного существования: от заправки до крупных подпольных сделок по поставкам дефицитного сырья и особенно не горел желанием уезжать с насиженных мест, но рассказы корешей о наивных и доверчивых америкосах, о сказочных богатствах и дармовой хавке, и вообще о прочих прелестях свободного образа жизни подвигли его решиться на такой смелый шаг. И он не прогадал. В отличие от серого большинства ему подобных, которые обрели свободу, но не нашли дармовщины и вынуждены были зарабатывать себе на хлеб

насущенный неустанным, а порой и тяжелым трудом, ему повезло и он разбогател. Как и почему для истории осталось загадкой, но Ведерский вернулся в Киев уже состоятельным человеком. Еще более удивительно, что это ему удалось сделать несмотря на то, что за годы в США он так и не выучил ни одного слова по-английски. Так что, правы те, кто говорит, что Америка – страна равных возможностей.

Однако, в отличие от многих за океаном Ведерский чувствовал себя «не в своей тарелке», скучал по Киеву, по шумной кампании, по «трепу» с барыгами, по блатным «разборкам», по рыбалке и охоте и по прочим несомненным прелестям и особенностям нашего отечественного бытия. Став теперь обладателем неисповедимыми путями нажитого капитала, он мог расслабиться и предаться любимым утехам, не в ущерб собственному карману, и вернулся в Киев дабы здесь дожить определенный ему Иеговой срок. По совету Мойшевского он купил квартиру напротив квартиры Эдоардо, на том же 17 этаже, в том же подъезде того же дома в центре Киева. Естественно, они почти ежедневно виделись и беседовали, как в старые добрые советские времена. Именно Ведерский и свел Мойшевского с чеченцами, которые должны были «помочь» Строкальскому «получить» старый должок.

История проникновения чеченской диаспоры в Киев и вообще в Украину когда-нибудь станет предметом для обстоятельного исследования учеными-демографами мирового уровня и, будем надеяться, уже скоро появится серьёзный труд на эту тему. Мы же отметим только, что уже после первой Чеченской войны была попытка чеченцев, в основном с криминальным прошлым, проникнуть и затеряться на просторах Украины. Милиция тогда была ослаблена и не противодействовала этим поползновениям, но свою твердую позицию выразил местный криминалитет. Главари многочисленных украинских бандитских группировок на своем внеочередном сходняке постановили «чтобы чеченцев в Украине не было». Это решение было доведено до сведения ментов, у которых после этого были «развязаны руки». Так, совместными усилиями властей и криминалитета Украину, в общем, защитили от нашествия этой саранчи, пусть законопослушная часть этого достойного и многострадального народа меня извинит за такое некорректное сравнение. Однако, небольшая группа чеченцев все-таки проникла в страну, пользуясь попустительством ментов и частными договоренностями с отдельными главарями бандгруппировок. Эти предприимчивые ребята «крышевались» очень ответственными полковниками и генералами внутренних дел и занимались нелегальным бизнесом, в основном связанным с торговлей левой водкой и проституцией, законы Украины они старались, по мере возможности, не нарушать и не «светиться» дабы не искушать власть имущая. Естественно, количество их не идет ни в какое сравнение с той огромной волной, которая нахлынула в страну после революции 2014 года при откровенном попустительстве новой власти, значительно ухудшив криминогенную ситуацию в и без того уже парализованной Украине.

Чеченцы того призыва охотно брали на себя функции третейских судей и вершителей «правосудия по понятиям» и именно чеченцами пугали особо зарвавшихся хапуг и кидал, которые не хотели отдавать нечестно присвоенные деньги, предприятия, квартиры и товары. С одной из таких особей многострадального чеченского народа и познакомил Ведерский нашего героя. Звали его Умар. Сфера его деятельности распространялась на левобережный Киев, но поскольку он пребывал в перманентном противостоянии с внутренними органами, то офис, если хотите, либо «малину», чтобы быть точнее, держал в Броварах. Это был координационный штаб его небольшой армии, всегда готовой кого-то обобрать, оболванить, побить или еще чего-то сделать. В описываемый нами период Умар тесно сотрудничал с Ведерским в поисках наиболее безболезненных способов присвоения плохо лежащих, либо халатно хранящихся материальных ценностей. Тут-то им и подвернулся Мойшевский.

В одно прекрасное августовское утро в офис фирмы «Стандарт» на Владимирской улице к ее хозяину господину Строкальскому Алехандро Ефимовичу пришли солидные гости. Предводительствовал сам Эдоардо Михайлович Мойшевский, а за ним проследовали два автори-

тета: Вова Ведерский и Умар. Кампания закрылась в кабинете генерального директора и часа два совещалась, а приняв соответствующие решения, разошлась. Было решено «разобраться» с днепровскими кидалами, причем чеченцы оптимистично взялись за «работу» от половины, то есть за 25 тысяч долларов. Особенно доволен был Эдоардо Михайлович, предчувствуя скорое пополнение и так уже переполненной кассы. Довольный собой и всем миром, он воротился домой, поведал своей несравненной Лялечке об успешных переговорах и похвастался купленными путевками в Турцию. Шла вторая половина августа и самое время было погреть старые кости на южном курорте. Через три дня супруги улетели в Анталию.

Пока наш герой и его молодая супруга нежились под палящим турецким солнцем Умар и компания попробовали «разобраться» с днепровскими кидалами, но тут их ждало горькое разочарование. Днепропетровская братва решительно встала на защиту своих комерсов и чеченцы должны были отступить «не солоно хлебавши». Не привыкшие оставаться без материального вознаграждения «решалы» лихорадочно искали кого бы «нагреть» в сложившейся патовой ситуации и фигуры на шахматной доске расположились явно не в пользу Эдоардо Михайловича.

Следует сказать, что Мойшевский пересекал границу Украины не реже четырех раз в году, два раза из страны, и дважды обратно. Последнее время, преследуемый каким-то злым роком, он в каждое свое возвращение имел большие проблемы и нес ощутимые финансовые потери. Не стало исключением и это путешествие. Вернувшись домой, отдохнувший и посвежевший, уже на следующий день он понесся к Строкальскому за своими процентами, но здесь его ждало огромное разочарование. Алехандро Ефимович денег ему не дал, а сказал, что в свете новых решений его проценты перекечевали к Умару. Трудно себе представить, что творилось в душе нашего героя, когда он с пеной у рта кричал, доказывал и требовал от Строкальского исполнения условий договора, сколько злости и отчасти заслуженных оскорблений посыпалось на голову бедного еврея и прочих негодяев, посягнувших на права и собственность Эдоардо Михайловича. В смятенном и подавленном состоянии, с головной болью и трясущимися руками прибежал он домой, в истеричной лихорадке обдумывая будущие шаги, зреющих в мозгах подлостей и мести. Гнев переполнял его и не давал возможности трезво оценить ситуацию. В конце концов, он набросился на Лялечку, стащил с нее фирменные прозрачные кружевные трусики и удовлетворил свою ненасытную похоть, таким нетрадиционным способом обретая относительное равновесие. Оставим же нашего героя наедине с собой, дадим ему время успокоиться и хладнокровно оценить надвигающееся будущее, а сами тем временем перенесемся через Атлантику, в Нью-Йорк, чтобы познакомиться с еще одним персонажем нашей истории.

Глава 4

Далекая, но такая желанная сердцу активного советского обывателя Америка. Всегда манящая свободой, роскошью и беспечным зажиточным существованием. «Край небоскребов и роскошных вилл». Нью-Йорк, крупнейший мегаполис, финансовая столица мира. Здесь на Брайтоне с утра до вечера слышна русская речь и сохраняются обычаи и традиции нашей восточно-славянской и славянско-еврейской культуры, сюда с начала 90-х годов, когда рухнул железный занавес, устремились эстрадные певцы и прочий артистический люд за «большим рублем», а за ними новая волна эмигрантов в поисках лучшей жизни. Сюда же, подальше от себя и от дочери, дабы не докучала, Мойшевский отправил «выживать» тещу по имени Мила, которая, кстати, была помоложе зятка. Судьба этой обыкновенной советской учительницы российской словесности за океаном сложилась необыкновенно. Рекомендательное письмо от киевского знакомого (или бизнес-партнера) Мойшевского к его знакомому эмигранту в Нью-Йорке с просьбой трудоустроить несчастную вдову не сработало. И Мила оказалась совершенно одна, с несколькими сотнями баксов в кармане брошенная на произвол судьбы и перед ней, в лучшем случае, явственно маячила перспектива принудительной депортации, или же

нищенское существование и, в конечном итоге, голодная смерть. К счастью, ни того, ни другого с ней не случилось. Как она смогла выжить в этой экстремальной ситуации остается загадкой, но она выжила и даже устроилась на нелегальную работу швеей на одну из брайтоновских подпольных фабрик, где ее и нашел коммивояжер Себастьяно, уроженец Нью-Йорка, вырождающийся потомок итальянской мафии, страдающий диабетом и ожирением. Себастьяно влюбился в Лялечкину маму с первого взгляда, а так как он в свои пятьдесят с хвостиком лет еще ни разу не был женат, то не прошло и года как молодые поженились. Мила бросила фабрику и переехала в родовое поместье Себастьяно в Стейтен-Айленде, где стала помогать своему мужу в его нелегком коммивояжерском бизнесе. Жили они втроем. У Себастьяно еще был жив отец, яркий представитель итальянской общины, бывший летчик, участник Второй мировой войны, игрок и гуляка, спустивший огромное состояние в казино и публичных домах и, как перешептывались родственники и рассказывал жене сам Себастьяно, доведший свою несчастную супругу до преждевременной могилы. В годы, предшествовавшие разорению, эта итальянская семья жила на Манхэттене, но теперь от бывшего величия оставался только дом на Стейтен-Айленде. Правду сказать, для Милы и этот дом представлялся раем.

Со стороны казалось, что этот поздний союз был счастливым, а поскольку изнутри он совершенно никого не интересовал и никому, кроме возможно престарелого и капризного деда, не мешал, то должно быть так оно и было. Мила теперь частенько звонила по телефону в Киев и общалась с любимой дочерью. У них, конечно, были свои женские секреты, но, в общем, ничего подобного не беспокоило Эдоардо Михайловича и новое социальное положение тещи, в некотором роде, даже стало предметом гордости нашего героя.

Но вернемся к драматическим событиям в стольном граде Киеве. Немного поостыв, Эдоардо побежал к своему авторитетному соседу, обиженный и возмущенный до глубины души. Побежал, это, конечно, очень сильно сказано, так как ему достаточно было преодолеть не более 10 метров по площадке этажа перед лифтом, чтобы «прозвонить во все колокола» в дверь на противоположной стороне. Ведерский, услышав новость, безусловно сделал удивленный вид и посоветовал своему другу и партнеру успокоиться и положиться на бога и его величество случай, а сам пообещал разобраться и «доложить». Но не так-то просто было «успокоиться» Эдоардо Михайловичу и, тем более, он совсем не собирался полагаться ни на бога, в которого наш герой совсем не верил, ни на случай. А положился Мойшевский в сию критическую минуту на украинские силовые органы в лице нашей доблестной милиции. Не доверяя письменным заявлениям и жалобам в столь ответственном деле, он отправился на прием к заместителю начальника киевской милиции в кабинет, находившийся на Владимирской улице в доме №15, который в народе называли Пентагоном, исходя из его архитектурной формы. Принял Эдоардо Михайловича дородный и преуспевающий полковник внутренних дел, явно обеспокоенный не тем, про что ему говорил посетитель, а какими-то своими проблемами, потому что слушал он невнимательно, а взгляд его блуждал по кабинету, то и дело останавливаясь на настенных часах. По-видимому, он куда-то очень торопился. Мойшевский рассказал начальнику душевную историю, как в его родном городе орудует банда чеченцев, которая «прессует» порядочных бизнесменов, а конкретно господина Строкальского. Эти чеченцы якобы обложили несчастного бизнесмена данью, угрожают его бизнесу, семье и самой жизни. Равнодушно выслушав признания посетителя, замначальника городской милиции пообещал разобраться и поспешно выпроводил нашего героя за дверь своего кабинета. Эдоардо Михайловичу не осталось ничего другого, кроме как ждать и надеяться. Но решив не тратить время впустую, он направился к Строкальскому, где снова дал волю гневу и ярости. Ничего особенного этим не добившись, Мойшевский вернулся домой и предался утехам любви со своей Лялечкой, которая одна знала как и чем успокоить ненасытную ненависть нашего героя.

Удивительно, как по разному для каждого из нас бежит время. Невыносимо медленно тянется оно для юноши, ожидающего заветного первого свидания с любимой. Так же долго

ожидание предстоящих свадебных торжеств, либо прочих юбилейных мероприятий, для тех, кто еще не насытился торжествами, юбилеями, зваными обедами и прочими «радостями» человеческого бытия. Но с возрастом время ускоряет свой бег. Незаметно пролетают неделя за неделей, за годом год, и семидесятилетний старичок вдруг хватается за голову, охает и ахает, и жалуется, что ничего в жизни не успел, ибо эта жизнь пролетела так скоро и неслышно, что и оглянуться не дала. Прав был греческий философ Протагор, когда сказал, что «человек есть мера всех вещей». И наше отношение ко времени точно подтверждает это утверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.